

Сегодня мы предлагаем читателям стихи членов литературного объединения «Магнит», студентов литинститута — Владимира ЧУРИЛИНА, Нины ЯГОДИНЦЕВОЙ и Николая ЯКШИНА.

Владимир ЧУРИЛИН

УРАЛ

Мы много знаем об Урале,
Но если честно, то Урал —
Не только горы и отвалы,
Не только люди и металл.

Не знаю, есть ли что красивей,
Но обмираю, черт возьми,
Когда идут дожди косые
Над степью, вспаханной людьми.

Урал...
Свердловск или Магнитка —
Войди в любой уральский дом —
Слова — тяжелые, как слитки,
А лица — светятся добром.

Мы много знаем об Урале,
И если честно, то Урал...
Здесь есть и горы, и отвалы,
Здесь есть и люди, и металл.

Наверно, есть земля красивей,
Но, опаленный огнем,
Урал — стальной хребет России,
И это — главное о нем.

ГАЙКА

Я бился с этой гайкой;
Хоть лопни, хоть убей!
Товарищ молвил: — Дай-ка.
Он хмыкнул: — Не робей!

И я услышал в гуле,
Окрашенном огнем:
— Раз люди завернули,
Мы, люди, отвернем.

Нас после жизнь крутила,
Пророчила беду,
Но вспомню бригадира —
И сердцем отойду.

Под ветры ли, под пули —
Все думаю о нем:
«Раз люди завернули —
Мы, люди, отвернем».

А годы снова мчатся,
Дороженька — не гладь.
Мне плакать и прощаться,
И падать, и вставать,

И видеть небо звездным
И верить, что когда
Мне время скажет: — Поздно!
Отвечу: — Ерунда!

На счастье, на беду ли,
К звезде или ко дну —
Найду, где завернули,
И напрочь отверну.

Самый робкий, неопытный самый,
С наступленьем рабочего дня
Я сказал, что работы слесарной
Не знавал, мол, учите меня.

Я был хитрым. Но мастер — хитрее.
Он подумал и важно изрек:
— Через руки доходит быстрее.
Через руки. Понятно, сынок?

Я не думал, что жизнь —
развлеченье.

Но на гребне житейских атак
Показалось ученье мученьем,
Эшафотом казался верстак...

Время дни, как листву, разметало,
И открылся печальный итог:
Научившийся ладить с металлом,
Я понять его так и не смог.

Нас учили всему через руки.
Через души, разбитые в кровь,
И почти невозможные муки
Обрели мы и хлеб, и любовь.

Бригада приехала дружная,
Один к одному — двадцать пять.
Да все бородастые, с ружьями,
Шутили: медведей стрелять.

Таежники — люди привычные,
Усмешку таили в усах,
Мол, даром, что парни столичные,
А, видно, бывали в лесах...

Мы сходу обзелись орехами,
Промокли, продрогли и вот —
«Охотники» вскоре уехали,
Сославились на слабый живот.

А мы, усмехнувшись устало,
Ладони до мяса содрав,
Приладили первые шпалы
За нас и за тех, кто удрал.

ДОМ

Он стоит на отшибе,
Погорелец войны,
И осколки прошили
Все четыре стены.

На февральском сугробе
От тумана седой,
Он стоит, как надгробье
Над большою бедой.

Нездорово и сыро,
Тленом пахнет в дому,
Только черные дыры
Душу тянут к нему,

Словно младшие сестры
Галактических дыр,
Шелушится известка,
Пожелтев от воды.

Почернели стропила,
Как заброшенный крест...
Я не знаю, как было.
Я запомню, как есть.

Борису РУЧЬЕВУ

Есть в музейной витрине газета.
Поперек злободневных статей
Рукописная фраза поэта —
Только несколько слов для людей.

А вокруг — частокол заголовков,
И на фоне общественных тем
Карандаш то бледнеет неловко,
То на миг исчезает совсем.

Среди хроник, заметок, портретов,
В серой массе оттиснувших строк...
И хранят, как святыню, газету
Из-за нескольких слов поперек.

Нина ЯГОДИНЦЕВА

Над закатом, невесом,
Проплывает голос детский.
Просветлевшая лицом,
Я гляжу сквозь занавески.
Вижу небо, словно сплю:
Розы грубые на ткани.
Невесомый голос пью
Осторожными глотками.
А потом расскажут мне:
Между розовым и синим
По закатной стороне
Проплывала птица Сирин.

Три ивы — три осенних колдовства.
Листва все реже, все яснее горечь.
Ты — Осень, и поэтому права,
Когда меня из дому в поле гонишь.
И устилаешь листьями тропу
Оттуда, где тревожно дремлют ивы,
И медную осеннюю трубу
К своим губам несешь неторопливо.
Я знаю, что молчанье — на беду.
Был только миг — и он покоя не дал.
Так замирают листья на лету —
Меж музыкой и старым серым
небом.

Почудился голос, откликнулось эхо,
Качнула дорога зеленым крылом —

И стало тревожно душе человека,
И стало спокойно кругом.
И ворон летел, никого не пугая,
И преданный ветер стелился у ног,
И только вдали, на вершине
кургана,
Возник — и растаял дымок.
Возник — и растаял, сманил — и
оставил.

Прямая дорога, зеленая степь.
Вот так собираются тихие стаи
В далекие страны лететь.

Не памятной, а потому не горестной
Была та осень. Только солнце

помню.
Прозрачным лесом, словно светлой
горницей,

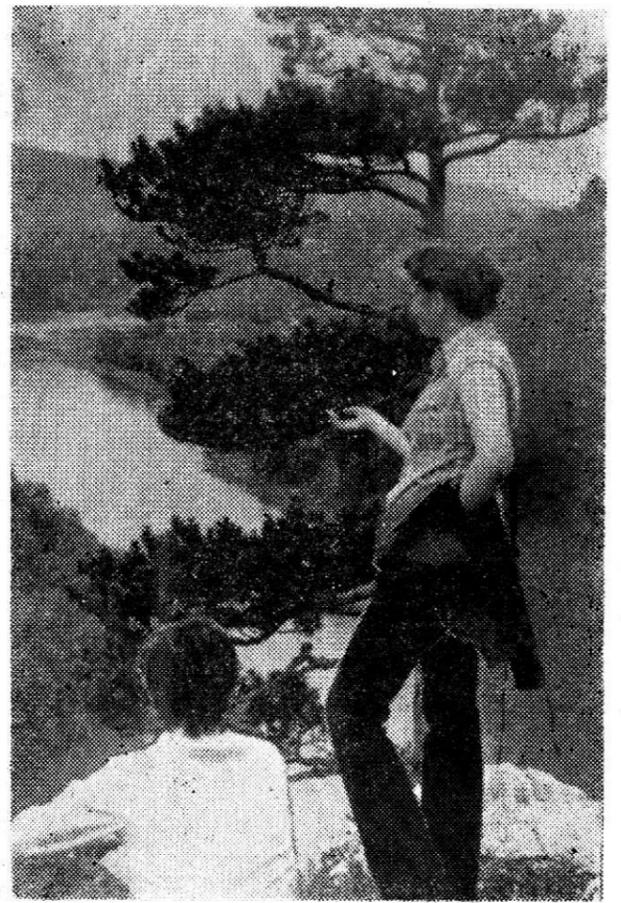
Я незаметно шла — и вышла к
полю.
Земля — как будто никогда не
пахана.

Я не твоя, но знаю — не отпустишь.
Не горестной, а потому не памятной
Была моя дорога вдоль опушки.
И ничего — ни ветерка, ни голоса —
Ни из лесу, ни с дальнего покоса.
Все было так — ни памятно,
ни горестно,
А только по-осеннему спокойно.

На крутом уральском берегу.

Фотоэтиюд

А. Митрофанова,
работника ЛПЦ № 7.

Николай ЯКШИН

Я уже не могу притворяться
Перед небом и перед собой,
Потому что почти святотатство —
Не болеть и не бредить тобой.
И хитрить, и скрываться — без
толку,

Потому что на выверты губ
Воздымают глубинные токи
Те слова, что в душе берегут.
Наши темные судьбы — двойняшки,
Потому что и ныне, как встарь,
Твои красные дни, будто маки,
Опадают на мой календарь.
Я готов. Призови же скорее,
И на быстрый билет наскребя,
Прилечу я бранить и лелеять
И молиться тебе на тебя.

Распахнуто окно.
Ночь. Звезды без названий.
Уснуло все.
Лишь холодильник бодр.
И, книги позабыв
На кухонном диване,
Я вспомнил, что у нас

Не кончен разговор.
Так близко до тебя.
Но половицы стонут.
Через бесслезный плач
Мне не перешагнуть,
Не перемерить, нет
Ни ямбом шестистопным,
Ни пятистопным
Этот краткий путь.
Ты скажешь поутру,
Что я опять невнятен,
Что выводы стоят
Бог ведает на чем...
Наверно, ты права.
Должно быть.
Вероятно.
Права, поскольку прав,
Слегка, магнитофон.
Тверди. Тверди. Тверди.
А мне — искать ответа
На каждый хриплый вздох
Грустящих половиц
И видеть во дворе,
Как по квадрату света
Моя мелькает тень,
Как призрачный пловец.

Извещение

17 августа, в среду, в помещении редакции газеты «Магнитогорский металл» состоится очередное занятие литературного объединения «Магнит».

Начало занятия в 16 час. 30 мин.